

ОСНОВНЫЕ ГЕРОИ

КИМ ХЭОН	старшеклассница, погибшая в 18 лет
КИМ ТАОН	младшая сестра Ким Хэон
ЮН ТХЭРИМ	одноклассница Ким Хэон
САНХИ	одноклассница Ким Хэон и подруга Ким Таон
СИН ЧОНЧЖУН	подозреваемый в убийстве Ким Хэон
ХАН МАНУ	свидетель по делу об убийстве Ким Хэон, а затем — подозрева- емый в убийстве

ШОРТЫ, 2002

Ярисую в воображении сцену, много лет назад происходившую в комнате для допросов одного полицейского участка. Это не значит, что я всё выдумываю. Но я и не наблюдала допрос собственными глазами, так что не знаю, как сказать правильнее. Моя мысленная реконструкция строится на свидетельствах подозреваемого, которыми он позже со мной поделился, на некоторых уликах, а также на личном опыте и дедуктивных догадках. Меня интересует не

только этот допрос. Уже более шестнадцати лет я дотошно перебираю и подгоняю друг к другу все детали и обстоятельства «дела об убийстве школьной красавицы», как его называли. Подробности преступления так глубоко отпечатались в моей памяти, что порой возникает мучительное ощущение, будто всё это я видела или даже испытала сама. Воображение может причинять такую же боль, как и реальность. Нет, даже большую, поскольку над воображением не властны ни время, ни расстояние.

Десять с лишним минут старшеклассник сидел в комнате для допросов в полном одиночестве. Кроме стола и четырех стульев, в комнате больше ничего не было. На стенах не висели картины, на столе не стояли ваза или пепельница. Некоторые люди выглядят неуклюжими, даже когда ничего не делают,

и юноша был одним из таких. Он сидел в неестественной позе, глаза затуманены, как если бы он собирался заснуть. А может, просто от того, что не на чем было остановить взгляд. Словно камера, которой не на чем сфокусироваться.

Вошел следователь и уселся напротив парня. Глаза последнего слегка прояснились.

— Хан Ману!

Голос негромкий, но тон недружелюбный. Таким тоном классный руководитель или директор школы вызывают учеников перед тем, как наказать. Такая манера подразумевает враждебность, это задело юношу. Я думаю о злой иронии судьбы. Дело в том, что в школе никто не обращался к Хан Ману по имени — по крайней мере, в обычном смысле.

У него было несколько прозвищ, по-детски жестоко коверкавших имя, но самое известное появилось благодаря песне «Половина

тысячелетия». Ее первые слова были созвучны имени Хан Ману, чего одноклассники не могли не заметить. Стоило слегка изменить произношение, и плач о мире, полном страданий, превращался в воззвание к Хан Ману. Школьники находили это очень смешным, и со временем забылись все прежние прозвища — его имя произносили, растягивая гласные на манер исполнителя песни: Хаан Манууу. Мне не довелось сталкиваться с ним до происшествия — когда я только перешла в старшие классы, он уже учился в выпускном. Однако я помню, как в школьном коридоре время от времени раздавался протяжный вскрик, зовущий Хан Ману и насмешливо подражающий печальному мотиву песни. В тех гротескных подвываниях мне никогда не слышалось ничего зловещего. После происшествия они прекратились. Никто больше не хотел и не мог обращаться к Хан Ману.

Мысленно я иногда называю его так, как одноклассники. Это стало моим способом вопрошания о смысле жизни. Не в философском плане, а в самом что ни на есть прикладном. Была ли хоть крупица смысла в жизни Хан Ману? Я так не думаю. Не каждое существование наделено смыслом. Хан Ману, моя сестра, я сама. Как бы я ни искала, сколько бы ни старалась, не могу найти ответа, зачем мы появились на свет. Наши жизни — лишь случайное начало и случайный конец, вот и всё.

Следователь предупредил парня, чтобы тот внимательно слушал, и стал объяснять, что этот допрос отличается от предыдущего, что надо давать хорошо обдуманые ответы, иначе ситуация грозит обернуться не в пользу Хана. Старшеклассник не отводил взгляда, но его лицо оставалось непроницаемым. Он всегда медленно соображал, однако почувствовал,

что в следователе появилась угроза, какой не было в первый раз. Следователь был слишком возбужден, а возбужденные люди пугали Хана.

— Хочу уточнить твои прежние показания, — постукивая авторучкой по столу, начал детектив. — Около шести часов вечера 30 июня 2002 года, направляясь по адресу доставки на скутере, ты обогнал машину, за рулем которой находился Син Чончжун. Верно?

— Не совсем.

— Не совсем? — Уткнувшийся в бумаги следователь исподлобья взглянул на свидетеля. — С твоих слов записано именно так.

— В то время я уже доставил еду и возвращался. По дороге обратно, а не туда.

Следователь опять опустил взгляд. Для него разница явно не имела значения.

— Почему тогда здесь написано по-другому?.. Хорошо, возвращаясь после того, как до-

ставил заказанную еду, ты обогнал машину, за рулем которой находился Син Чончжун. Теперь верно?

— Да.

— Какой модели была машина?

— Что?

Следователю показалось, парень намеренно делает вид, будто не понял вопроса.

— Модель машины! Что за машину ты обогнал?

— Не знаю. Цвет темно-серый и будто переливается. Я всё это уже говорил.

— Конечно, ты всё это уже говорил. Мы занимаемся как раз тем, что проверяем твои показания. Машина темно-серого цвета с оттенками?

— Да.

Следователь показал фотографию, прикрепленную к делу:

— Это она?

Потянувшись вперед, парень рассмотрел снимок, а затем перевел взгляд на собеседника.

— Может, и она.

— Я не спрашиваю, точно ли это та машина, я спрашиваю, та ли модель?

Хан ещё раз посмотрел на снимок.

— Думаю, та.

— Уверен?

— Да.

— Хорошо. Молодец.

Следователь показал другую фотографию. Парень опять внимательно ее рассмотрел.

— Это твой скутер?

Хан Ману подтвердил без раздумий.

— Прекрасно.

Делая вид, что изучает написанное, следователь тянул время перед главным выпадом.

— Теперь самое важное. Ты сообщил, что на пассажирском сиденье видел Ким Хэон. Верно?

— Да.

— Опиши ещё раз, как она выглядела. Во что была одета, как уложены волосы.

— Волосы были распущены.

— Не завязаны в хвост?

— Нет.

— Что насчет одежды?

— Одежда... Топ без рукавов и шорты...

— Топ без рукавов и шорты? — Следователь выделил последнее слово.

— Да, как я уже говорил...

— Хорошая память. Какого цвета?

— Что?

Следователь с горечью подумал, что люди на допросах никогда не отвечают четко и по делу.

— Одежда. Какого цвета были топ и шорты?

— Не знаю.

— Не помнишь?